
С дымком костра и запахом ухи
Я проведу таёжный тёмный вечер.
Давно затих промозглый резкий ветер,
И мысли так блаженны и легки.

Охотники тайге как женихи...
Костёр горит, как на свиданье свечи.
И что с того, что я, как он, не вечен:
Погасну, но останутся стихи...

«Прощаю», –дохнуло рекой и закатом...
И я обернулся на сумрачный лес.
И словно окутало запахом мяты,
Накрыло огнями вечерних небес.

Застыв от такого величья природы,
Я долго стоял у речного моста.
И капля в порыве душевной свободы
Была на прикладе хрустально чиста.

Ночью в тайге

Болото сумрачно вздохнуло
И растворилось в темноте.
Глаза совиные, что дула,
Сошлись в ружейной прямоте.
Следы и звуки – всё пропало,
И только слышалось едва,
Как далеко и запоздало
Ко сну стремились существа...

Сверкнул закат, прикрытый темнотой,
Как инструмент поэта. Будет снова
Резвиться пар над газовой плитой
Как будто недосказанное слово.

Ночь хороша - ни лжи ни правды нет.
И черновик глаголет светом истин.
Я в тишине почистил пистолет.
В который раз его уже почистил...

Костюм на выход

Купил костюм я модный в магазине.
Казалось, надо радоваться мне.
Но грусть к душе пристыла, словно иней.
И чёрный иней вижу на окне.

Снег падает и тает – снова сыро.
Но что мне снег, когда который день

В душе моей вновь бродит горечь мира,
Какую бы одежду ни надень.

А дело в одиночестве проклятом.
Всегда один живу среди людей.
Мой мир души – тюремный изолятор,
А внешний – всё мудрёней и черней.

Парит предрасположенность к ангине,
И зябко за чернеющим окном.
А я хожу, как будто в карантине,
В своём костюме новом, выходном.

Колония в заброшенном посёлке.
Всё чаще ходит транспорт через шлюз...
И проволока остриём иголки
Играет на ветру печальный блюз.

Служебный пёс кружит тропой наряда
По часовой и против, по кускам
Глотая тишь ночного листопада,
Стуча когтями сухо по мосткам.

И смотрят чернотой погасших окон
Дома, что за периметром стоят,
Как убывают зэки раньше срока.
Молчит у часового автомат.

Всегда известно было только Богу,
Кому дана тюрьма или сума...
Заброшенный посёлок... И в дорогу
Так рвутся опустевшие дома.

Динамит

В ночном бараке эхом прокатилось:
«Атас, контора!».

Хлопнули дверьми.

Я знал, что зэк по кличке Чикатило
Под шконкою припрятал динамит.

А знание – это больше, чем полдела,
Когда невпроворот текущих дел.

О динамите мне донёс умелый
И грамотный в делах оперотдел.

И я пошёл к своей опасной цели.

Дрожали светом лампы с потолка,
За мной через невидимые щели
Усердно мониторили зэка.

И в секцию, где тесно от кроватей,

Где тесно от табачной духоты,
Где чёрный мат стоит на чёрном мате
Вошёл я безо всякой суеты.

Здесь спят насильник, шулер и кутила,

И чёрт-те кто здесь только не храпит.
Но мне был нужен только Чикатило,
Под шконкою таивший динамит.

Не проходил я обучений сложных

Сапёрно-инженерного полка,
Но знаю точно: всякое возможно,
Что риск велик, опасность высока.

И с головою зэк совсем не ладит,

А если он не ладит с головой,
То полетят все головы в отряде

От динамита с плеч своих долой...
Сидел в ШИЗО наутро Чикатило,
И было даже невдомёк ворам,
Что над баракком смерть вчера кружила
И кто их разминировал вчера.

Ты спросишь: для чего сейчас бумаге
Я доверяю простенький сюжет,
Что наша жизнь вокруг совсем не лагерь,
Что динамита под кроватью нет.

Но ты поверь: мир с головой не дружит,
Порой не знают даже опера,
Какая смерть над нашим домом кружит,
Кто от неё спасал тебя вчера.

Мы с тобою делили стужу,
Раздирая мундиры в клочья.
Мы делили холодный ужин –
Поздний ужин глубокой ночью.

Прикрывали из автомата
Наступающий сон тревожный.
Запах пороха нам, что мята.
Раны тихо тянул подорожник...

И всегда наши были в силе!
И давала нам силы верность.
И теперь ты – Герой России.
Только слово в конце: посмертно...

Я гвоздь в стене и сильно вбит в неё.
Так лихо вбит – не видно даже шляпки.

И загнута надёжно остриё,
Чтоб не достали ушлые ребятки.

И если кто-то всажен в крепкий пол,
Засел в дверях или забит в рассоху,
То я – в стене, и в этом суть нашёл.
Я принял современную эпоху.

Так много нас, засевших на Руси,
По матицам, жердинам и застрехам.
Бывает, пьём от горя керосин,
Но не мечтаем никуда уехать.

Хоть иногда поводит стороной,
И кто слабее – вылезет наружу...
Подумает, что лучше край иной.
Что Родина – забвение и стужа.

И вспомнит, как простор сулил коня,
Пускай чужой, но щедрый на закуски.
Но отчий дом, Россия – для меня.
Я гвоздь в стране,
Я вбитый в доску русский!